

УДК 159.928.234

Е. С. Иванова

ПОЛОВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЕГО СТРУКТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ¹

Аннотация. В статье представлены данные о половозрастных различиях базовых и структурных компонентов эмоционального интеллекта. Новизна исследовательского подхода заключается в сочетании опросных и экспериментальных методик. Это позволило выявить в трех возрастных группах (подростки, студенты и молодые специалисты) гетерохронность показателей межличностного и внутриличностного эмоционального интеллекта. Наиболее существенные гендерные различия межличностного и внутриличностного эмоционального интеллекта обнаружены в выборке студентов. В выборках подростков и молодых специалистов эти различия статистически менее выражены. Выявлены новые данные о гендерных различиях и возрастной динамике опознания эмоций по лицевой экспрессии. Установлена автономность базовых компонентов эмоционального интеллекта (точности опознания лицевой экспрессии и вербализации эмоций). Результаты исследования значимы для прогнозирования успешности субъекта в коммуникативных профессиях и межличностных отношениях.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, вербализация эмоций, опознание эмоций, возрастные и гендерные различия.

Abstract. The paper presents the data on gender and age differences of the basic and structural components of emotional intelligence (EQ). The research innovation includes a combination of questionnaires and experimental techniques. It reveals the heterochronological tendency of interpersonal and personal emotional intelligence in the three age groups: teenagers, students and young specialists. The main gender differences between the interpersonal and personal EQ subscales were defined in the students group. In the teenagers and adults groups such differences were statistically weak. The new data on gender differences and age dynamics were found in identifying emotions through facial expressions. The independence of EQ basic components, such as the accuracy of recognizing facial expressions and emotional verbalization, was found. The research results are useful for personal success prognosis in communicative professions and interpersonal relationships.

Index terms: emotional intelligence, emotional verbalization, identification of emotions, age and gender differences.

В настоящее время наблюдается рост исследовательского интереса к вопросам, связанным с эмоциональной сферой личности. Во многом это происходит благодаря активному внедрению в понятийное поле психоло-

¹ Работа выполнена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013 гг.».

гии такого конструкта, как эмоциональный интеллект (EQ) [1], который является неким компромиссом между психологией и философией прошлого тысячелетия, создавших своеобразный концепт Человека Разумного, и требованиями современных социальных и культурных реалий, все решительнее утверждающих необходимость введения в сферу научных интересов специфики Человека Чувствующего [7]. Следует отметить, что пионерами и наиболее последовательными разработчиками этого направления стали лингвисты. В коллективной монографии «Эмотивный код языка и его реализация» достаточно убедительно показано, что проблемы противопоставления рационального, эмоционального и интеллектуального в языке больше нет, поскольку внутренняя форма слов, их семантика и синтаксические конструкции являются эмоционально опосредованными [7]. Процесс имянаречения и функционирования всех имен в различных коммуникативных локусах эмоционально мотивирован и регулируется лингвокреативной функцией, обусловленной эмоциональным интеллектом (EQ) человека. В результате этот теоретический конструкт, призванный объяснить ряд явлений, характеризующих общественные и межличностные отношения, становится интегрирующим звеном между самыми различными отраслями научного знания и общественной практики: психологией, социологией, лингвистикой, бизнес-процессами, лидерством, успешностью личности.

В четырехкомпонентной модели эмоционального интеллекта, предложенной П. Сэлавеем, Дж. Майером, Д. Карузо [9], важная роль отводится таким функциям, как вербализация и опознание эмоций. Именно в первый, базовый блок своей модели авторы включили оценку и выражение субъектом собственных эмоций, а также восприятие экспрессии партнера по общению. Непосредственно механизмами, обеспечивающими функционирование этих операторов, являются вербализация, восприятие невербального поведения (мимики, жестов, интонаций и др.), эмпатия. Проведенный нами ранее анализ других моделей [4] показал, что все авторитетные исследователи данной проблемы признают значимость указанных процессов в становлении и формировании эмоционального интеллекта, что позволило нам выделить опознание эмоций по лицевой экспрессии и вербализацию эмоциональных переживаний (как собственных, так и окружающих) в качестве его базисных структурных компонентов.

Необходимость выявления взаимосвязи эмоционального интеллекта с различными аспектами психического очевидна, так как это позволяет встроить данное явление в понятийное и феноменологическое пространство психологической науки. Отметим, что в описаниях опубликованных

экспериментальных исследований в качестве инструментария названы преимущественно опросные методики, построенные на самоотчете испытуемых. Однако изучение эмоционального интеллекта посредством применения только такого подхода существенно снижает качество и надежность получаемых результатов [5, 6].

Основоположники рассматриваемого конструкта (Р. Бар-Он, П. Сэловей, Дж. Майер, Д. Гоулман) подчеркивают практическую значимость EQ как важного фактора жизненного успеха [1, 9]. В его основе, отмечают авторы, лежит понимание и управление собственными эмоциями и эмоциями окружающих. Очевидно, что при самооценивании как основном методе измерения столь социально значимых и субъективно привлекательных характеристик мы получаем несколько искаженный показатель, который в большей или меньшей степени не совпадает с реальными достижениями и способностями испытуемого.

Таким образом, назрела необходимость введения в диагностический инструментарий, используемый для измерения эмоционального интеллекта, удобных, компактных, прошедших тщательную экспериментальную проверку и удовлетворяющих основным психометрическим требованиям экспериментальных модулей. Попытки такого рода уже предпринимаются [3, 8], наиболее часто используются задания на опознание эмоций по фотографиям, а также пробы, выявляющие умение прогнозировать возможные эмоциональные реакции участников общения.

Исследование способности опознавать эмоции по лицевой экспрессии как структурного элемента эмоционального интеллекта имеет в своей основе следующие теоретические и экспериментальные предпосылки:

1) опознание эмоций возникает в онтогенезе очень рано, еще в довербальный период, что связано с наличием специализированных комплексов нейронов у новорожденного, отвечающих за восприятие лица человека [2];

2) для детей раннего и дошкольного возраста характерно копирование мимических проявлений окружающих, обеспечивающее своеобразное освоение эмоциональных кодов различных переживаний и обмен ими [6];

3) лицевая экспрессия активно развивается и дифференцируется в дошкольном и младшем школьном возрасте, однако в дальнейшем мимические проявления эмоций все чаще маскируются, подавляются и проявляются в микровыражениях [2, 8];

4) на всех этапах онтогенеза мимика используется как средство коммуникации с окружающими, что имеет двойкий эффект – передачу собственного эмоционального состояния (истинного или желаемого) и выявление эмоциональной реакции окружающих [2, 4, 8].

Таким образом, опознание эмоций является неотъемлемым структурным компонентом эмоционального интеллекта, обеспечивающим его функционирование и развитие на различных этапах онтогенеза. Перечисленные выше характеристики позволяют отнести опознание лицевой экспрессии эмоций к базовым составляющим EQ. Однако в настоящее время исследований по соотношению способности опознавать эмоции по мимике с показателями тестов эмоционального интеллекта явно недостаточно, хотя они могли бы существенно прояснить вопрос о том, насколько адекватны представления испытуемого о своем эмоциональном интеллекте при сопоставлении с объективными показателями способности к перцепции и интеракции в общении.

Особую задачу составляет изучение возрастного аспекта данного вопроса, а именно выявление того, насколько связаны самооценка эмоционального интеллекта и показатели реальных коммуникативных навыков опознания и вербализации эмоций в различные жизненные периоды. В этом отношении наиболее значимыми представляются подростковый, юношеский и молодой возраст. Перечисленные этапы онтогенеза особенно чувствительны с точки зрения эффективности развития эмоционального интеллекта через тренировку его базисных способностей, таких как вербализация и опознание эмоций, которые начинают развиваться в онтогенезе очень рано, но приобретают особое значение, начиная с подросткового возраста. В это время ведущей деятельностью становится общение, а основной задачей данного и последующих периодов являются достижение идентичности и построение доверительных межличностных отношений с окружающими, что придает особую значимость восприятию, выражению и регуляции эмоциональной составляющей коммуникативного процесса.

В нашем экспериментальном исследовании приняли участие 97 подростков (55 девушек и 42 юноши 14–15 лет), 84 студента (49 девушек и 35 юношей 18–20 лет), 64 испытуемых молодого возраста – работающие специалисты, преимущественно с высшим образованием, состоящие в официальном или гражданском браке (38 женщин и 26 мужчин 25–35 лет).

Для оценки способности к вербализации была использована методика «Словарь эмоций» – авторская модификация ассоциативного теста, позволяющая выявить объем активной лексики каждого испытуемого, используемой для наименования эмоций, и соотнести индивидуальные результаты с нормативными показателями [3]. Дополнительно использовалась «Торонтская шкала алекситимии», позволяющая обнаружить трудности в вербализации эмоций.

Для оценки точности опознания эмоций по лицевой экспрессии участникам исследования предъявлялся набор фотографий молодой девушки,

содержащий спонтанные мимические проявления следующих эмоций: радости, печали, страха, гнева, смущения, вины, отвращения, презрения, удивления, напряжения, гордости, недоверия, спокойствия (проявляющегося в нейтральном выражении лица). Все снимки были сделаны в студийных условиях во время консультативной беседы, предусматривающей актуализацию различных аспектов эмоционального опыта и обсуждение наиболее значимых жизненных тем. Девушка, участвовавшая в эксперименте в качестве модели, была отобрана из большого числа возможных участниц в результате предварительного собеседования согласно следующим критериям: 1) высокая лабильность нервных процессов, переключаемость, частая смена эмоциональных состояний; 2) выразительность экспрессии и ее соответствие наблюдаемому эмоциональному состоянию; 3) наличие опыта студийных фотосъемок.

Таким образом, сопоставление фотоматериалов с содержанием беседы и согласованность последовавшей экспертной оценки позволяют утверждать, что использованный нами набор фотографий с высокой точностью отображает мимические проявления реальных эмоций, в отличие от распространенных доступных фотоизображений [8]. Создатели последних не скрывают, что в процессе съемки модели не испытывали, а демонстрировали то или иное состояние согласно указаниям экспериментатора. Это позволяло добиться выразительности схемы акта эмоциональной экспрессии, но при экспериментальном предъявлении вызывало у испытуемых трудности при интерпретации эмоций модели, так как на демонстрируемое переживание накладывалось ее актуальное состояние.

Далее испытуемым предъявлялся опросник «ЭмИн» Д. В. Люсина, выявляющий самооценку межличностного и внутриличностного эмоционального интеллекта [5].

Статистическая обработка включала определение по t -критерию Стьюдента достоверности различий между возрастными и гендерными группами; вычисление r -коэффициента Пирсона для оценки взаимосвязи субшкал эмоционального интеллекта с опознанием эмоций, объемом словаря эмоций и алекситимией в рамках обследованных половозрастных групп.

В результате анализа возрастных различий было установлено, что при переходе от подросткового к юношескому возрасту можно наблюдать существенное увеличение эмоционального интеллекта. Выявлены достоверные (на уровне 0,99) различия по всем субшкалам эмоционального интеллекта между выборками подростков и студентов. Различия между студентами и работающими специалистами оказались недостоверны, между специалистами и подростками – значимы. Однако необходимо отметить,

что во второй экспериментальной группе преобладали студенты гуманитарных специальностей (психологи, филологи), что могло повлиять на полученные результаты – средние значения эмоционального интеллекта студентов выше аналогичных показателей работающих специалистов. В дальнейшем планируется расширить выборку, включив в нее студентов других специальностей. Вероятно, в таком случае различия будут несколько сглажены, но картина возрастной динамики окажется более достоверной.

При выявлении гендерных особенностей было обнаружено, что в выборке подростков наблюдается значимое (на уровне 0,95) превосходство девушек по субшкале «Межличностное понимание эмоций» и по суммарному показателю межличностного эмоционального интеллекта. В выборке студентов ситуация существенно меняется: значимость гендерных различий по субшкалам межличностного интеллекта не достигает критического уровня, но становится достоверным превосходство юношей по субшкале «Внутриличностное управление эмоциями» и по суммарному показателю внутриличностного эмоционального интеллекта. В обследованной выборке взрослых гендерные различия сглажены и не достигают уровня значимости, что не совпадает с имеющимися литературными данными, утверждающими более высокие показатели EQ в выборке женщин [5, 6]. Это несоответствие в значительной мере связано с использованием авторами нестандартизированной методики Холла, которая очень слабо защищена от влияния социально желательных ответов, ориентированных на оценку проявления эмпатии.

Полученные результаты можно интерпретировать следующим образом: в разные возрастные периоды межличностная и внутриличностная составляющие эмоционального интеллекта у мужчин и женщин различаются, но, как показывают приведенные данные, достоверных значений эти показатели достигают не одновременно, а по очереди: доминирование различий по одному структурному компоненту эмоционального интеллекта нивелирует гендерные особенности проявления другого компонента.

Анализ возрастных особенностей опознания эмоциональной экспрессии показал, что в выборке студентов и взрослых людей эти результаты значимо (на уровне 0,95) выше, чем в выборке подростков. Точность опознания эмоций у представителей мужского и женского пола внутри возрастных групп достоверно (на уровне 0,95) различается только в выборке взрослых. В более молодом возрасте различия имеют случайный характер. Таким образом, лишь частично подтверждается распространенная точка зрения, что женщины более компетентны в восприятии эмоциональных реакций партнера по общению [8, 9]. Выявленные нами возрастные осо-

бенности позволяют внести важное уточнение: различия в способности опознавать мимические проявления эмоций формируются в процессе онтогенетического развития.

Сравнение объемов словаря эмоций показало, что представительницы женского пола более осведомлены о вариантах вербализации эмоционального опыта: во всех трех возрастных группах показатели словаря эмоций у них значимо выше. Достоверность этих различий была выявлена нами в более ранних исследованиях [3]. Полученные результаты указывают, что данная тенденция не случайна и устойчиво воспроизводится, независимо от возраста тестируемых.

Выявлена неоднозначность возрастной динамики алекситимии и гендерных различий: некоторое понижение алекситимии в студенческом возрасте по сравнению с подростковым сменяется повышением в более взрослом состоянии, что уточняет имеющиеся научные данные.

Корреляционный анализ показал, что в подростковом возрасте взаимосвязи между субшкалами эмоционального интеллекта и точностью опознания эмоций, а также объемом словаря эмоций и уровнем алекситимии не достигают критических значений. Это объясняется специфичной для подросткового возраста диссоциацией между самооценкой своих черт, особенностей поведения и их проявлениями в непосредственном общении. Фактически подросток, который успешно опознает эмоции окружающих, может затрудняться давать им точное вербальное обозначение и потому испытывать недовольство, переживать неуверенность в своих коммуникативных способностях, занижая баллы, выставляемые при работе с опросником-самоотчетом (тестом «ЭмИн»).

В выборке студентов ситуация несколько меняется. Среди девушек на уровне тенденции (0,80) наблюдаются слабые отрицательные связи между показателями межличностного интеллекта и точностью опознания эмоций по лицевой экспрессии. Этот результат выглядит парадоксально только на первый взгляд. Так как показатели по всем субшкалам эмоционального интеллекта высокие и очень высокие, можно заключить, что в этом возрасте девушкам крайне важно быть уверенными в своей компетентности в общении, даже если это убеждение несколько противоречит реальности. В выборке юношей точность опознания лицевой экспрессии имеет слабые положительные связи с показателями эмоционального интеллекта, т. е. они более критично и обоснованно оценивают свой уровень EQ.

В обследованной группе взрослых у женщин корреляции между точностью опознания и показателями эмоционального интеллекта слабые и противоречивые. В выборке мужчин выявлены значимые связи между

субшкалой «Внутриличностная экспрессия» и опознанием эмоций, а также между словарем эмоций и субшкалой «Внутриличностное управление», что указывает на высокий уровень когнитивной регуляции собственных эмоциональных проявлений.

Установлено, что показатели алекситимии отрицательно (на уровне значимости 0,99) коррелируют с различными субшкалами эмоционального интеллекта, за исключением субшкалы «Контроль собственной экспрессии» во всех возрастных группах. Если представить исследуемые показатели в виде векторов в пространстве актуальных и потенциальных направлений развития личности, то можно отметить некоторое сближение осознанной регуляции переживаний и алекситимии как маркера трудностей в опознании и вербализации личностью собственных чувств. И эта невыраженная взаимосвязь дает синергетический эффект, объясняя такие распространенные и отчетливо наблюдаемые начиная с подросткового возраста стратегии поведения, как подавление эмоций, отрицание каких бы то ни было переживаний, а также вытеснение их из сферы сознательного.

Во всех группах отсутствуют связи между точностью опознания эмоций по мимике и объемом активного словаря эмоций, а также алекситимией. Это позволяет предположить, что процессы получения информации о состоянии собеседника через невербальные каналы (восприятие экспрессии) и вербальным путем осуществляются независимо друг от друга. Их автономность указывает на сложность и многоуровневость системы восприятия партнера по общению, за счет чего наряду с оперативностью обеспечивается ее надежность. Рассогласование между вербальными и невербальными компонентами межличностного восприятия – важный сигнал, получая который мозг запускает программы, направленные на сбор более расширенной информации, уточнение уже имеющейся, ее переоценку и анализ.

Качественный (содержательный) анализ выявил, что наиболее часто (от 100 до 54%) испытуемыми упоминаются высокоинтенсивные эмоции: *радость, любовь, злость, ненависть, гнев*. Так же высокочастотны (79–50%) менее интенсивные, но относящиеся к базовым эмоции: *страх, печаль, удивление*. Наблюдается достаточно много эмотивов, которые имеют высокую представленность в сознании испытуемых (47–25%), хотя и не относятся к базовым: *гордость, раздражение, зависть, обида, жалость, спокойствие*. Можно предполагать, что эти эмоции и чувства должны опознаваться более точно, чем те, которые не являются высокочастотными. Однако проверка этой гипотезы требует организации дополнительного эксперимента.

Наиболее точно предъявляемые с помощью фотографий виды эмоциональной экспрессии описывают представители студенческой группы. Результаты взрослых и подростков различаются в зависимости от конкретной эмоции. В целом лучше всего (более 50% всей выборки испытуемых) опознаются *радость* (73,33%), *смущение* (70%), *удивление* (59%), *гордость* (52%), *отвращение* (52%). Хуже всего опознаются *страх* (11,67%) и *вина* (5,33%). Полученные результаты лишь частично подтверждают имеющиеся данные о том, что типичные, яркие положительные эмоции опознаются лучше, чем отрицательные и амбивалентные [2, 8].

Однако при сопоставлении результатов опознания экспрессии с содержанием общегрупповых словарей и исследовательскими данными [2, 8] становится очевидно, что *вина* редко упоминается (3%) и редко опознается, несмотря на то, что авторами указывается как эмоция базовая, фундаментальная, присущая человеку с очень раннего возраста, независимо от культуры. *Страх* упоминается довольно часто (70%), но редко опознается (11%). Частотно упоминание *печали* (44%), но уровень ее опознания (23%) ниже, чем упоминания. Опознаваемые более чем половиной испытуемых *удивление* (58%) и *гордость* (51%) упоминаются не так часто (37 и 33% соответственно). *Отвращение* распознается существенно чаще (50%), чем упоминается в случае свободного ассоциирования (26%).

Представленные данные еще раз подтверждают описанный выше феномен параллелизма систем опознания и вербализации эмоций, отсутствие точного соответствия степени представленности мотива в сознании субъекта и способности распознать лицевую экспрессию этого переживания.

Таким образом, результаты исследования позволяют утверждать, что вербализация эмоций как когнитивно-понятийная система и опознание эмоций как отражение непосредственного опыта общения автономны друг относительно друга и слабо связаны с самооценкой межличностного и внутриличностного эмоционального интеллекта. Кроме того, наблюдается положительная динамика показателей эмоционального интеллекта и точности опознания эмоций по лицевой экспрессии от подросткового к юношескому возрасту, однако уже в молодом возрасте темпы развития снижаются, а направленность этих изменений подвержена влиянию гендерных стереотипов маскулинного и феминного вариантов эмоционального реагирования.

Литература

1. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект / пер. с англ. А. П. Исаевой. Москва: АСТ МОСКВА; Владимир: ВКТ, 2010. 478 с.
2. Данилова Н. Н. Психофизиология: учеб. для вузов. М.: Аспект-ПРЕСС, 2004. 368 с.

3. Иванова Е. С. Возможности методики «Словарь эмоций» для диагностики и развития эмоциональной сферы // Психол. диагностика. 2008. № 1. С. 101–112.

4. Иванова Е. С. Особенности эмоционального интеллекта в подростковом возрасте // Образование и наука. Изв. УрО РАН. 2011. № 1 (80). С. 33–41.

5. Люсин Д. В. Новая методика измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психол. диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.

6. Сергиенко Е. А., Ветрова И. И. Эмоциональный интеллект: русскоязычная адаптация теста Мэйера – Сэловея – Карузо (MSCEIT V2.0) // Психол. исслед.: электрон. науч. журн. 2009. № 6 (8). [Электрон. ресурс]. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 12.10.2010).

7. Шаховский В. И. Эмоциональный интеллект в языковой игре. [Электрон. ресурс]. URL: http://tverlingua.by.ru/archive/002/02_3_01.htm. (дата обращения: 12.10.2010).

8. Экман П. Психология эмоций / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2010. 334 с.

9. Mayer J. D., Caruso D., Salovey P. Emotional intelligence meets traditional standards for an intelligence // Intelligence. 1999. Vol. 27. P. 267–298.